

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельева М. В., Смушкин А. Б., Домнина О. В. Предъявление для опознания: психологические и тактические аспекты, перспективные методы производства // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 212–222.
2. Рахимов А. И. Повышение достоверности следственного действия «предъявление для опознания» с помощью метода психофизиологических исследований // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1(23). С. 175–180.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы / пер. с англ. М. Будыниной и др. М.: ЭКСМО: АпрельПресс, 2002.
4. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник. 2-е издание. М.: Юридическая фирма «Контракт», Инфра-М, 2010.
5. Еникеев М. И., Образцов В. А., Эминов В. Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
6. Самошина З. Г. Проблемные вопросы предъявления для опознания // Вестник криминалистики. Вып. 1 (37). 2011. С. 40–43.
7. Новикова М. В. Институт безопасности в уголовном судопроизводстве и пути его совершенствования // Российский судья. 2007. № 7. С. 38–41.

© Сибилькова А. В.

УДК 343.131:342.721(470)

М. А. ЩЕРБАКОВА, адъюнкт Академии
управления МВД России (г. Москва)

M. A. SHCHERBAKOVA, adjunct of the Acade-
my of Management of the Ministry of Internal Af-
fairs of Russia (Moscow)

**ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ
КАК ГАРАНТИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**THE PRINCIPLE OF PERSONAL INVIOLEABILITY
AS A GUARANTEE OF THE RIGHT TO FREEDOM AND PERSONAL
INVIOLEABILITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

***Аннотация.** В статье рассматривается соотношение принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве с конституционным правом на свободу и личную неприкосновенность, обращается внимание на границы действия принципа. Автором соотносятся понятия «лишение свободы» и «ограничение свободы», проводится анализ правовых позиций Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации относительно мер принуждения, связанных с лишением свободы в уголовном судопроизводстве. На основании произведенного анализа вносятся предложения по совершенствованию уголовно-процессуальной нормы, закрепляющей принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе Российской Федерации, а также о внесении в число основных понятий, используемых в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, понятия «лишение свободы».*

Ключевые слова и словосочетания: принцип неприкосновенности личности, право на свободу и личную неприкосновенность, меры процессуального принуждения, лишение свободы, ограничение свободы, задержание, заключение под стражу, помещение в психиатрический стационар.

Annotation. *The article examines the correlation of the principle of personal inviolability in criminal proceedings with the constitutional right to freedom and personal inviolability, draws attention to the limits of the principle. The author correlates the concepts of «deprivation of liberty» and «restriction of liberty», analyzes the legal positions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation regarding coercive measures related to deprivation of liberty in criminal proceedings. Based on the analysis made, proposals are made to improve the criminal procedure norm that enshrines the principle of personal inviolability in the criminal process of the Russian Federation, as well as to include the concept of «deprivation of liberty» among the basic concepts used in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

Keywords and phrases: *the principle of personal inviolability, the right to freedom and personal inviolability, measures of procedural coercion, deprivation of liberty, restriction of liberty, arrest, detention, placement in a psychiatric hospital.*

Право на свободу является основополагающим правом человека. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция), общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке. На такой же подход ориентирует правоприменителя Пленум Верховного Суда Российской Федерации [1].

По понятным причинам государство в лице уполномоченных органов, преследующих цели защиты личности и государства от преступных посягательств, выявления, раскрытия и расследования преступлений, осуществления правосудия, наделено широкими возможностями принудительного ограничения свободы человека.

Так, невзирая на существенное снижение за последние несколько лет количества лиц, к которым в качестве меры пресечения применено заключение под стражу (согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – Судебный департамент), в 2018 году судами общей юрисдикции удовлетворено 102 205 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в 2019 году – 94 632 аналогичных ходатайства, в 2020 году – 84 919, а в первом полугодии 2021 года – 43 427 ходатайств) [2], она продолжает оставаться довольно распро-

страненной, особенно на фоне других мер пресечения, допускаемых по решению суда (ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в 2018 году было удовлетворено 6 329, в 2019 году – 6 038, в 2020 году – 6 949, в первом полугодии 2021 года – 3 485; об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий в 2018 году удовлетворено 301, в 2019 году – 1 246, в 2020 году – 1 850, в первом полугодии 2021 года – 1 298) [2].

На необходимость более тщательной оценки оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу вновь обратил внимание и Президент Российской Федерации В. В. Путин [3].

Гораздо меньший общественный резонанс и внимание законодателя вызывают случаи лишения свободы, состоящие в помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (далее – психиатрический стационар), для производства судебно-психиатрической экспертизы (ст. 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ), а также после признания судебными экспертами лица, нуждающимся в применении принудительных мер медицинского характера (ст. 435 УПК РФ). Однако и эти меры процессуального принуждения применяются часто (в 2019 году было удовлетворено 7 756 ходатайств о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящего под стражей, в

психиатрический стационар, в 2020 году – 7 212, в первом полугодии 2021 года – 3 681 ходатайство; ходатайств о переводе в психиатрический стационар лица, содержащегося под стражей, в 2019 году удовлетворено 685, в 2020 году – 615, в первом полугодии 2021 года – 332) [2].

В связи с этим актуальной является реальная и эффективная реализация конституционного положения о праве на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции) и принципа уголовного судопроизводства – неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ).

Стоит обратить внимание на то, что Конституция в качестве одного из основных прав закрепляет право на свободу и личную неприкосновенность, в то время как в уголовном процессе данное право выражено посредством принципа неприкосновенности личности, что не одно и то же. В Конституции речь идет о субъективном праве, в УПК РФ – об основополагающем, концептуальном положении, на основании которого строится вся уголовно-процессуальная деятельность, включая обязанность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс, обеспечить реализацию конституционного субъективного права.

Простое дублирование конституционного права в качестве принципа уголовного судопроизводства не может являться средством эффективного обеспечения и защиты прав и свобод человека [4, с. 31], поскольку принцип является основой механизма, распространяющегося на все стадии уголовно-процессуальной деятельности, представляя собой важнейшую процессуальную гарантию [5, с. 70].

Из анализа содержания принципа неприкосновенности личности в его современной редакции следует, что резервы совершенствования этой процессуальной гарантии, к сожалению, не исчерпаны.

Обратимся к терминологии, которая в данном случае имеет ключевое значение. В Конституции речь идет о невозможности ограничения свободы личности и личной неприкосновенности без законных оснований.

Уголовно-процессуальный принцип в наименовании не содержит указания на обеспечение свободы личности. При этом в самом содержании принципа речь идет о мерах, связанных с ограничением свободы, то есть принцип формулирует законные основания ограничения именно права на свободу. Возникает вопрос о разграничении таких понятий, как свобода, личная неприкосновенность и неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве. В чем направленность принципа неприкосновенности личности – в защите от неправомерного лишения свободы, или же от бесосновательного ограничения права личной неприкосновенности?

Полагаем что в первую очередь для ответа на поставленные выше вопросы, целесообразно остановиться на анализе соотношения таких понятий, как «свобода личности», «неприкосновенность личности» и «личная неприкосновенность».

Существует мнение, что само по себе понятие «свобода» неосвязаемо, а в качестве официального предела осуществления личной свободы каждого выступает именно право, поскольку для человека, живущего в социуме, ограничение его свободы возможно и необходимо в определенных ситуациях, однако осуществляться может лишь в рамках формально установленных пределов [6, с. 107]. Только правовая свобода является реальной формой свободы человека, так как лишь в таком виде может быть гарантирована государством ввиду формальной определенности и законодательной регламентации [7, с. 2]. Иными словами, согласно приведенной точке зрения, свобода не является таковой вне права и определяется законодательно установленными границами возможного поведения, которое дозволено в обществе.

Существует и другой взгляд. По мнению Е. А. Лукашевой, право, находящееся в естественном состоянии, которое не ограничивается формальностями и юридическими условностями, – это и есть свобода, то есть право в фактической форме [8, с. 25]. С точки зрения О. Е. Кутафина и Е. И. Козловой, обе категории – «право» и «свобода» – являются общепризнанной возможностью каж-

дого члена общества самостоятельно определять вид и меру поведения, ввиду чего разграничение между данными понятиями условно [9, с. 215]. Заметим, что последняя точка зрения по большей части основана на понимании свободы как категории, близкой к субъективному праву, а не как свободы в ее социальном смысле.

Зачастую понятие «свобода» применяется в устойчивой связи с понятием «личная неприкосновенность». В дореволюционный период отечественные ученые неразрывно связывали личную неприкосновенность с осуществлением государственной власти, описывая неприкосновенность как границы деятельности уполномоченных органов по пресечению нарушений закона [10, с. 561], как право требовать от государства не касаться личности гражданина до момента совершения им противозаконного деяния [11, с. 7], или же как возможность поступать и действовать, исходя из собственных убеждений, но в пределах, которые установлены законом, не подвергаясь насильственному противодействию власти или иных лиц [12, с. 6–7]. Таким образом, в дореволюционный период личную неприкосновенность рассматривали в качестве необходимого элемента свободы личности, однако связывая ее с действиями государственных органов, уполномоченных эту свободу ограничивать.

Сегодня весьма распространена более широкая трактовка личной неприкосновенности, которая И. Л. Петрухиным, например, рассматривается через призму таких категорий, как свобода и личная безопасность, в свою очередь включающих недопущение, предотвращение и наказуемость любых посягательств как на нравственную и психическую, так и на физическую неприкосновенность [13, с. 144]. М. В. Баглай писал о том, что понятие личной неприкосновенности включает не только жизнь и здоровье человека, но также его честь и достоинство [14, с. 197].

В доктрине отечественного уголовного процесса существует и узкий взгляд на личную неприкосновенность как на невозможность незаконного лишения свободы, и, судя

по формулировкам Конституции и УПК РФ, в них отражен именно такой подход. В науке обращается внимание и на соотношение таких терминов, как «личная неприкосновенность» и «неприкосновенность личности». О. Е. Кутафин не видит различий в данных понятиях, рассматривая их как идентичные [15, с. 121]. Существует и другой взгляд, согласно которому личная неприкосновенность включает в себе идею высшей ценности прав и свобод, «вытекающих из самой жизни и воплощаемых в юридических нормах» [16, с. 8; 17, с. 10], а неприкосновенность личности рассматривается в качестве результата волевой деятельности законодателя, выраженной в его правотворчестве [18, с. 26–27].

Говоря о соотношении вышеприведенных категорий на сегодняшний день, с точки зрения их реализации в законодательстве, в первую очередь необходимо отметить, что в соответствии с Конституцией право на свободу находится в неразрывной связи с личной неприкосновенностью – характеристикой, которая трактуется как невмешательство в личные права и защищенность, выраженные в обязанности государства в установлении тех необходимых запретов, которые в полной мере служили бы для обеспечения автономии каждого человека от общества, государства и других людей [19, с. 175; 20, с. 1754].

Таким образом, свобода и личная неприкосновенность – двугранное понятие, сочетающее в себе неотъемлемое право на личную свободу как таковую, и в то же время право на неприкосновенность, то есть защиту от необоснованного посягательства со стороны государственных органов. Исходя из вышесказанного, процессуальный принцип неприкосновенности личности не означает его ограниченное действие, охватывающее лишь право на личную неприкосновенность. Напротив, принцип неприкосновенности личности подчеркивает и усиливает роль права на личную неприкосновенность, подразумевающего защиту от произвольного ограничения свободы личности.

Итак, если личная неприкосновенность

является характеристикой правового положения личности, а в совокупности свобода и личная неприкосновенность являются связанными субъективными правами, то неприкосновенность личности, полагаем, следует рассматривать как обязанность государственных органов, позволяющую обеспечить ограничение свободы лишь на основании и в порядке, предусмотренными законом.

Право на свободу и личную неприкосновенность имеет любой человек, находящийся в Российской Федерации. Следовательно, и в уголовном процессе это право распространяется на всех его участников. Однако формально принцип, предусмотренный в ст. 10 УПК РФ, охватывает далеко не всех участников, которые могут быть фактически лишены свободы. Сегодня он охраняет лишь подозреваемого, обвиняемого и лицо, помещенное в психиатрический стационар. Согласиться с тем, что сфера действия данного принципа распространяется только на лиц с указанным статусом, нельзя. Несмотря на традиционное отношение к лишению свободы как к понятию, связанному с действиями в отношении обвиняемого, подозреваемого, такая узкая его трактовка ошибочна.

Прежде всего, проведем различие между такими понятиями, как «лишение свободы» и «ограничение свободы». Ограничение свободы нередко рассматривается как «сокращение сферы свободы» [21, с. 45], «уменьшение объема возможностей, свободы, а значит, и прав личности» [22, с. 157]», законодательное сужение границ прав и свобод, а также ограничение всевозможных условий и возможностей каким-либо образом покушаться на установленные обществом блага [23, с. 11]. При таком подходе ограничение представляет собой частичное умаление чего-либо, помещение в определенные рамки, выполнение каких-либо действий при соответствующих условиях, а лишение – это полное изъятие, утрата, отчуждение чего-либо.

Например, меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, запрета определенных действий в существенной степени ограничивают свободу

лиц, в отношении которых они избраны. Однако можно ли считать, что подобного рода ограничения охватываются принципом неприкосновенности личности?

Полагаем, ограничение свободы принципиально отличается от лишения свободы. В частности, при применении меры пресечения в виде подписки о невыезде, неверно было бы говорить о полной утрате лицом, в отношении которого она избрана, свободы, поскольку в данном случае оно не утрачивает свободы действия, выбора местонахождения и передвижения, не подвергается принудительной изоляции. Налицо как раз сохранение свободы при соблюдении конкретных условий, установленных уголовно-процессуальной нормой, то есть ограничение.

При этом при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий ситуация представляется иной, так как в этом случае может применяться запрет, связанный с полной невозможностью покидать место жительства, совершать определенные действия и контактировать с определенными лицами. Данная мера предполагает хоть и кратковременные, но ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, то есть лишение свободы. При этом лишение свободы в уголовном судопроизводстве имеет различные формы.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) любые вводимые в отраслевом законодательстве ограничения, независимо от их характера, влекущие фактическое лишение свободы, лежат в границах данного понятия и должны соответствовать установленным критериям правомерности, отраженным в первую очередь в положениях ст. 22 Конституции, и распространяться не только на арест, задержание и заключение по стражу, прямо указанные в данной статье, но и на все другие виды лишения свободы [24].

В толковании норм, связанных с понятием «лишение свободы», Конституционный Суд опирается на позицию Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ),

исходящего из того, что лишение свободы не сводится лишь к тюремному заключению, потому как его восприятие должно отталкиваться не от формальных, а от сущностных признаков, заключающихся в физическом лишении свободы, будь то принудительное нахождение в условиях ограниченного пространства, изоляция от общества, ограничение свободы передвижения и коммуникации. Также показательно, что согласно ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, к лишенным свободы относятся и лица, лишенные свободы по приговору суда, и задержанные, и заключенные под стражу, в том числе душевнобольные, алкоголики, наркоманы и бродяги.

При этом, дав оценку понятию «ограничение свободы», Конституционный Суд отметил, что отличие от лишения свободы в данном случае состоит в степени интенсивности применяемых мер, но не в их характере [25]. Таким образом, можно сделать вывод, что ограничение свободы, также как и лишение свободы, затрагивает право на свободу и личную неприкосновенность.

Принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе фактически распространяет свое действие лишь на участников, подвергнутых уголовному преследованию. Вместе с тем, это не отменяет того факта, что свобода и личная неприкосновенность остальных участников также не могут быть ограничены без законных на то оснований, в том числе и применительно к свободе свидетеля, потерпевшего, подвергнутых, например, принудительному приводу, согласно ст. 113 УПК РФ и др.

Так, ЕСПЧ, определяя факт лишения свободы, исходит из таких категорий, как элемент принуждения, влияющий на свободу передвижения, ограничение пространства и невозможность его беспрепятственного оставления, длительность ограничения, контроль за осуществлением жизнедеятельности. В контексте реализации ст. 5 Конвенции о защите прав и основных свобод человека даже кратковременное ограничение свободы может считаться лишением свободы при условии принудительного физическо-

го удержания, либо угрозе его применения [26]. Причем, по смыслу, заложенному Конвенцией о защите прав и основных свобод человека, считается такое ограничение лишением свободы будет не только в отношении подозреваемого или обвиняемого с уже установленным процессуальным статусом, но и в отношении лиц, которые таковой еще не приобрели, то есть доставленных в связи с подозрением в совершении преступления и тех, которые имеют статус свидетеля или в последующем могут его приобрести.

Справедливо стоит отметить, что и международные правовые нормы, и Конституционный Суд одинаково трактуют понятие «лишение свободы», что отчетливо отражено еще в постановлении от 27 июля 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова», где любые меры, реально ограничивающие право на свободу и личную неприкосновенность, в том числе и свободу передвижения, считаются задержанием, то есть лишением свободы, независимо от процессуального статуса лица им подвергнутого, а задержание – вид лишения свободы.

Таким образом, очевидно, что лишение свободы в уголовном процессе очень многообразно, принимает различные формы и может касаться не только лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, но и других участников уголовного судопроизводства. В соответствии с вышесказанным, формулировка принципа неприкосновенности личности в действующей редакции является неполной, и более того, не отвечает самой идее принципа как основного начала, фундаментального, руководящего положения, задающего вектор развития отрасли права и правоприменения.

Таким образом, полагаем целесообразным в число основных понятий, применяемых в УПК РФ, внести понятие «лишение свободы». Под лишением свободы предлагается понимать полную или частичную изоляцию от общества, сопряженную с утратой

лицом свободы действия, выбора местонахождения, передвижения в результате действий должностных лиц, с применением принуждения, либо с угрозой его применения, вне зависимости от процессуального статуса лица и длительности применяемой меры.

Исходя из того, что лишение свободы является результатом применения процессуального принуждения, возможного как в психической, так и в физической его форме, и непосредственно затрагивает право на свободу и личную неприкосновенность, следует вывод о том, что и принцип непри-

косновенности личности должен охватывать все меры, относящиеся к лишению свободы.

На основании вышесказанного предлагается изложить принцип неприкосновенности личности, закрепленный в ст. 10 УПК РФ, в следующей редакции:

1. Никто из участников уголовного судопроизводства не может быть лишен свободы при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом.

2. Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить всякого незаконно лишеного свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70448674/> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Данные судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.01.2022).
3. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Российская газета № 281 (8632). URL: <https://rg.ru/2021/12/09/vladimir-putin-vstretilsia-s-pravozashchitnikami-glavnoe.html> (дата обращения: 13.01.2022).
4. Безруков С. С. Конституционные права и свободы человека и гражданина в системе принципов уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2015. №1 (15). С. 29–38.
5. Победкин А. В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66–77.
6. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности / под ред. Н. В. Витрук. М., 2008. 447 с.
7. Югов А. А. Конституционный статус личности – ядро правовой системы свободы личности // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 2–8.
8. Васильева Т. А., Лукашева П. А. Права человека / под ред. П. А. Лукашевой. М., 2000. 511 с.
9. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. М., 1996. 347 с.
10. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право / под ред. Б. А. Кистяковского. М., 1916. 704 с.
11. Вышеславцев Б. П. Гарантии прав гражданина. М., 1917. 32 с.
12. Люблинский П. И. Неприкосновенность личности. Петроград, 1917. 30 с.
13. Конституция Российской Федерации: комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М., 1994. 830 с.
14. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. 767 с.
15. Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004. 405 с.
16. Корнуков В. М., Куликов В. А., Манова Н. С. Принцип личной неприкосновенности и его реализация в российском досудебном производстве. Саратов. 2001. 125 с.
17. Опалева А. А. Развитие института личной неприкосновенности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 2 (28). С. 8–15.
18. Куликов В. А. Личная неприкосновенность как право человека и принцип российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2001. 192 с.
19. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001. 309 с.

20. Амосова Т. В., Лавдаренко Л. И., Рябова Л. Г. Сущность категории «право на свободу и личную неприкосновенность» в сфере уголовного судопроизводства // Право и политика. 2013. № 12. С. 1753–1759.
21. Лазарев В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. М., 2009. № 9 (153). С. 35–47.
22. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. 248 с.
23. Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2014. № 2. С. 9–17.
24. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88989/ (дата обращения: 20.01.2022).
25. По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2016 г. № 25-П // СПС «Консультант плюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207339/ (дата обращения: 20.01.2022).
26. Дело «Шимоволос против России» [Shimovolos v. Russia] (жалоба № 30194/09) (I Секция): постановление Европейского Суда по правам человека от 21 июня 2011 г. // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70138452/> (дата обращения: 21.01.2022).

© Щербакова М. А.

УДК 343.85:343.575(470)

Е. Н. ВОЛЫНКИН, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск)

E. N. VOLYNKIN, associate professor of the department of Investigative activities of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of legal sciences, associate professor (Krasnoyarsk)

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ПРЕКУРСОРОВ
И ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ
ПРИ НЕЗАКОННОМ ИЗГОТОВЛЕНИИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В РАМКАХ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

**COUNTERING THE ILLICIT TRAFFICKING OF PRECURSORS
AND CHEMICALS USED IN THE ILLICIT MANUFACTURE
OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES
AS PART OF INTERNATIONAL COOPERATION**

Аннотация. В статье анализируются наиболее существенные факторы, способствующие незаконному обороту прекурсоров и химических веществ, необходимых для неправомерного изготовления наркотических средств и психотропных веществ. По результатам исследования предложены